

Новороссийск: ветер, море и другие и обстоятельства

Шпетная Наталья

Наталья Шпетная

**Новороссийск: ветер, море
и другие обстоятельства**

«Автор»

2026

Шпетная Н. К.

Новороссийск: ветер, море и другие обстоятельства /
Н. К. Шпетная — «Автор», 2026

В Новороссийске даже обычный день может превратиться в приключение. Стоит открыть окно — и ветер уже участвует в переговорах. Найти парковку у дома — и вот ты не едешь на работу, а охраняешь своё счастье. Позвать родных к морю — и можно незаметно провести отпуск в пункте выдачи, на даче и среди рассады. Герои этих рассказов мечтают о спокойной жизни, красивых праздниках и отдыхе без сюрпризов. Город, конечно, готов помочь — по-своему. Он подкидывает неожиданные знакомства, бытовые испытания и поводы посмеяться над тем, что ещё вчера казалось катастрофой. Эта книга — о Новороссийске без открыток и скучных путеводителей: с портом за окном, норд-остом за спиной и людьми, которые умеют находить преимущества даже в самых непредусмотренных обстоятельствах.

© Шпетная Н. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Квартира с видом на обстоятельства	5
Место у дома	12
Домовой чат имени адмирала Серебрякова	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Шпетная

Новороссийск: ветер, море и другие обстоятельства

Квартира с видом на обстоятельства

Квартиру в Новороссийске я решил продать в тот день, когда ветер закрыл мне окно. Ничего особенного, скажете вы.

Но я в это время его открывал.

Мы немного поборолись, потом я уступил: у ветра явно было больше свободного времени.

Я сел за стол и написал объявление:

«Продам двухкомнатную квартиру. До моря пешком минут сорок, обратно лучше не надо. Окна на порт. Ветрено. Парковка — как повезёт. Собственник».

Жена прочитала.

— Ты квартиру продаёшь или явку с повинной оформляешь?

Через час к нам приехала риелтор Элеонора.

У Элеоноры были белые брюки, золотой телефон и такая уверенность в завтрашнем дне, будто она уже взяла за него аванс.

Она обошла квартиру, посмотрела в окно и сказала:

— Прекрасно. Объект с характером.

— А вот здесь поддувает.

— Характер проявляется.

Я показал ей объявление. Элеонора дочитала до слова «собственник» и посмотрела на меня с сочувствием.

— Вы раньше недвижимость продавали?

— Нет.

— Это заметно. Вы зачем покупателя информируете?

Она села за стол.

— Запоминайте. Недостатков у квартиры нет. Есть особенности премиального проживания.

— Премиального?

— Конечно. Море видно?

— Между краном и элеватором.

— Значит, видовая.

— Если к стеклу прижаться.

— Панорамная с эффектом погружения.

Я начал записывать.

Ветер оказался естественной приточной вентиляцией. Цементная пыль — минеральным напылением. Подъём к дому — фитнесом, включённым в стоимость.

— А парковка?

— Двор без машин.

— Но там всё заставлено.

— Поэтому и без вашей.

С портом получилось особенно удачно.

— Вид на порт — это возможность лично контролировать внешнюю торговлю, — объяснила Элеонора.

— Я оттуда только контейнеры вижу.

— А вы что хотели? Лично подписывать накладные?

Она подошла к окну.

— У вас здесь жизнь. Движение. Международная логистика. Люди за такой вид деньги платят.

— Так я и хочу, чтобы заплатили.

— Вот. Уже начинаете мыслить правильно.

На прощание Элеонора велела убрать с балкона сушилку.

— Она снижает статус объекта.

— А где бельё сушить?

— Пока продаём — нигде. Покупатель должен видеть пространство для жизни, а не доказательства того, что вы здесь живёте.

— Может, и нас убрать?

Элеонора задумалась. Мне не понравилось, что задумалась она всерьёз.

Первый покупатель пришёл со строительным экспертом.

Эксперт был маленький, угрюмый и весь обвешан приборами. Казалось, если квартира ему не понравится, он прямо на месте отключит её от жизнеобеспечения.

Он долго водил по стене жёлтым аппаратом.

— Что ищете? — спросил я.

— Отклонения.

— Тогда вам надо было в домовой чат. Там сразу фамилии дают.

Эксперт не улыбнулся. Люди с приборами вообще редко улыбаются: видимо, боятся сбить калибровку.

Он приложил к полу уровень.

— Здесь перепад.

Я посмотрел на Элеонору.

— Пространственное зонирование, — спокойно сказала она.

— Пол неровный.

— Зато вода при протечке не будет стоять посреди комнаты.

— А куда она пойдёт?

— На этот вопрос ответит уже собственник. Мы не навязываем сценарии использования.

Эксперт открыл окно.

В квартиру немедленно вошёл норд-ост и начал знакомиться с документами на столе.

Покупатель поймал паспорт. Я поймал квитанцию. Элеонора ничего не ловила: у неё всё было в телефоне, а телефон она держала так, что ветер сразу понял — не его уровень.

— Дует, — сообщил эксперт, прижимая к груди штору.

— Естественная приточная вентиляция, — сказал я.

Элеонора едва заметно кивнула.

Это было приятно. В школе меня так хвалили только за то, что я перестал раскачиваться на стуле.

— А регулировать можно? — спросил покупатель.

— Конечно, — ответил я и закрыл окно.

Эксперт осмотрел подоконник, провёл пальцем по серому налёту.

— А это что?

— Минеральное напыление.

Он понюхал палец.

— Цемент.

— Вы эксперт, вам виднее, какие именно минералы.

Покупатель впервые улыбнулся.

Перед уходом он спросил:

— Соседи тихие?

— Очень, — сказал я. — Справа вообще никого не слышно.

— А слева?

— Слева слышно, как справа никого не слышно. Женщина возмущается, что квартира пустует, а людям жить негде.

Вечером Элеонора позвонила:

— Неплохо. Только про соседку больше не надо.

— Почему?

— Вы бесплатно отдали покупателю информацию, за которую обычно берут скидку.

Вторые покупатели приехали из Москвы.

Супруги лет сорока, одинаковые белые кроссовки, одинаковое желание наконец пожить для себя. С ними был юрист — человек в рубашке, которая за всю жизнь ни разу не сохла на балконе.

Юрист разложил бумаги.

— Нам нужна абсолютная прозрачность сделки.

Я хотел открыть окно, но Элеонора остановила меня взглядом.

— Кто прописан?

— Я и жена.

— Несовершеннолетние есть?

— В квартире нет. Но во дворе встречаются.

— Перепланировки?

— Диван переставляли.

Юрист посмотрел поверх очков.

— Я серьёзно.

— Я тоже. До сих пор спина болит.

Пока он проверял, имел ли я право родиться, получить квартиру и захотеть её продать, супруги любовались видом.

— Корабли! — сказала жена.

В её голосе было столько восторга, что я тоже посмотрел. Обычно я замечал корабли, только когда они гудели в тот момент, когда мне кто-нибудь звонил.

— Это порт работает, — объяснил я.

— Какая энергетика!

— Да. И ночью тоже.

Элеонора мягко положила мне руку на локоть.

— Город, который не засыпает, — уточнил я.

— Как Нью-Йорк, — сказала женщина.

Я хотел возразить, но мысленно прикинул цену и решил не мешать городам сближаться.

Муж спросил:

— До моря далеко?

— Визуально — нет.

— А пешком?

— А пешком у вас будет время разобраться, зачем вам море.

Он засмеялся.

— Мы просто хотим уйти от московской суеты.

— У нас здесь другая, — сказал я. — Южная. Вы ни с чем не перепутаете.
Элеонора сжала мой локоть чуть сильнее.

— А подъём к дому крутой? — спросила жена.

— Фитнес, включённый в стоимость.

— Замечательно! А то мы абонемент покупаем и не ходим.

— Здесь будете. Особенно если хлеб забудете.

Муж посмотрел на жену с некоторой тревогой. Кажется, впервые осознал, что здоровый образ жизни может начаться без его согласия.

Юрист тем временем обнаружил квитанцию за капитальный ремонт.

— А капитальный ремонт был?

— Пока только финансовый, — сказал я. — Мы капитально платим.

На этот раз Элеонора убрала руку. Видимо, поняла, что локоть уже не поможет.

После третьего просмотра я вошёл во вкус.

Прежде я стеснялся нашей маленькой кухни. Теперь говорил:

— Здесь всё под рукой.

И это была чистая правда: сидя за столом, я мог открыть холодильник, включить чайник и обидеться на жену, не меняя положения тела.

Совмещённый санузел стал «единым спа-пространством». Узкий коридор — «отсутствием бесполезных метров». Старая входная дверь — «проверенным временем металлом».

— А дом какого года? — спрашивали меня.

— Из той эпохи, когда строили на совесть.

— А точнее?

Тут я называл год. На совесть было построено ещё до моего рождения, поэтому лично я ни за что не отвечал.

Один мужчина спросил про шумоизоляцию.

— Знаете, — ответил я, — здесь очень быстро понимаешь, что не одинок.

И рассказал, как сосед сверху помог мне выбрать перфоратор. Я его об этом не просил, просто три недели слушал разные режимы работы и определился с моделью.

Мужчина сказал, что подумает.

Все говорили, что подумают. За две недели наша квартира заставила задуматься больше людей, чем хороший философ.

Потом пришёл покупатель с мамой.

Ему было сорок шесть. Маме — достаточно, чтобы не нуждаться в строительном эксперте.

Ещё в подъезде она сказала:

— Лестница неудобная.

Я приготовился объяснять про фитнес, но Элеонора еле заметно покачала головой: не сейчас. Перед нами был другой вес.

Мама вошла в квартиру и сразу нашла, где мы живём неправильно.

— Диван сюда не надо.

— Почему? — спросил я.

— Здесь телевизор должен стоять.

— Он там и стоит.

— Вот именно.

Сын молчал с выражением человека, который однажды уже пытался уточнить.

Мама прошла на кухню, открыла шкафчик, заглянула под раковину и потрогала батарею. Осмотр занял четыре минуты. Строительный эксперт за это время только доставал приборы.

— Кухня маленькая.

— Всё под рукой, — привычно сказал я.

— Вижу. Можно суп мешать и в туалет очередь занимать.

Я посмотрел на Элеонору. Та внимательно изучала потолок. Впервые за наше знакомство ей было нечего добавить.

— Вид промышленный, — продолжила мама.

— Возможность лично контролировать внешнюю торговлю.

Она посмотрела на меня.

— А зарплату вам за это платят?

— Нет.

— Тогда зачем вам это?

Сын тихонько улыбнулся. Мама повернулась, и он сразу заинтересовался плинтусом.

— Ветер здесь сильный? — спросила она.

— Бывает естественная...

— Сильный, — сказала жена из комнаты.

Я понял, что в квартире возникла коалиция.

Мама подошла к окну, посмотрела вниз.

— Машину где ставите?

— Где есть место.

— Далеко?

— По-разному.

— Понятно. Внуков сюда с сумками не натаскаешься.

— Мам, у меня нет детей, — напомнил покупатель.

— С таким подходом и не будет. Поехали.

Они ушли.

Мы некоторое время молчали.

— Сильный специалист, — признала Элеонора.

К концу месяца я начал замечать, что квартира действительно хорошая.

Раньше меня раздражало, что из окна видно порт. Теперь я по утрам пил кофе и наблюдал за международной логистикой.

Стоял, бывало, в трусах, смотрел на сухогруз и думал: «Ну что, работают люди».

Потом шёл обратно в постель с приятным чувством сопричастности.

Подъём к дому тоже перестал казаться недостатком. У меня окрепли ноги. Я выяснил это, когда догнал курьера, который позвонил, сказал: «Я вас что-то не нахожу», — и попытался уехать.

Даже ветер оказался полезным. Однажды он вырвал у меня из рук чек из супермаркета, и я впервые за долгое время вернулся домой, не зная, сколько потратил. Ужин прошёл спокойно.

Я стал ревновать квартиру к покупателям.

Один вошёл и сказал:

— Ну, ремонт тут, конечно, весь сносить.

Я чуть не спросил, зачем он вообще пришёл в наш дом с такими мыслями.

Другой прикинул:

— Здесь стену уберём, кухню расширим...

Я представил, как он ломает стену, возле которой мы двадцать лет отмечали рост племянника, и назвал цену на семьсот тысяч выше.

Элеонора дождалась, пока он уйдёт.

— Мы же согласовали сумму.

— Конъюнктура изменилась.

— За восемь минут?

— Вы видели, что он со стеной собирался сделать?

Она внимательно на меня посмотрела.

— Так. На просмотрах больше не присутствуйте.

Но было поздно.

В субботу пришла молодая пара. Без эксперта, без юриста, без мамы. Просто муж с женой.

Они разулись у порога, хотя я не просил.

Она подошла к окну.

— Смотри, море.

— Где? — спросил муж.

— Вон. Между краном и элеватором.

Он встал рядом.

— Точно.

Потом они сели на кухне. Она положила ладонь на стол и сказала:

— Хорошо здесь.

И я понял, что продавать не буду.

Потому что до этого все обсуждали стены, метры и документы. А эти двое собирались здесь жить.

Пить кофе. Ссориться. Покупать слишком большой арбуз для этого холодильника. Стоять у окна и говорить: «Смотри, корабль».

В моей квартире.

— Мы готовы внести задаток, — сказал муж.

Я посмотрел на жену.

Она поняла сразу. Мы давно женаты: для серьёзного семейного конфликта нам даже не обязательно начинать разговор.

— Извините, — сказал я. — Квартира больше не продаётся.

Элеонора медленно закрыла папку.

Очень медленно. Как хирург, которому посреди операции сообщили, что пациент передумал.

Когда покупатели ушли, я приготовился к тяжёлому разговору.

— Вы понимаете, сколько мы проделали работы? — спросила Элеонора.

— Понимаю. Но я как-то иначе на всё посмотрел. Здесь же море. Воздух. Дом добротный. Подъём полезный...

Она слушала с профессиональной печалью человека, который слишком хорошо сделал свою работу.

— Я ведь раньше этого не замечал.

— Бывает, — сказала она. — Собственник тоже человек. Подвержен рекламе.

Жена ушла ставить чайник.

Я решил разрядить обстановку:

— А что за гараж у нас рядом продаётся? Я видел ваше объявление.

Элеонора подняла глаза.

— Какой именно?

— Крайний. С зелёными воротами.

— А, этот. Очень интересный объект.

Жена замерла в дверях кухни.

— Просто спрашиваю, — сказал я.

Элеонора открыла телефон.

Гараж оказался не гаражом, а «многофункциональным пространством с отдельным входом». Яма — «готовым цокольным уровнем». Отсутствие окна обеспечивало приватность.

— А там жить можно? — спросил я.

— Сейчас многие рассматривают такие объекты под гостевой формат.

— В гараже?

— Зачем вы сразу ограничиваете потенциал?

Жена поставила чайник обратно.

Я посмотрел фотографии. Помещение было просторное. Сухое — по словам Элеоноры. В углу стояло ведро, но, возможно, оно просто хранилось.

— А до моря?

Элеонора повернула ко мне телефон.

— От ворот вниз.

Это подкупало. От нашей квартиры до моря было сначала вниз, потом направо, потом опять вниз, а здесь всё выглядело гораздо честнее.

— И почём?

Жена вышла из кухни.

— Ты же не собираешься...

— Я просто выясняю обстоятельства.

Через неделю я купил гараж.

Теперь у меня есть квартира с видом на порт и перспективный гостевой дом с видом на внутреннюю сторону ворот.

Жена пока называет его гаражом.

Я не спорю. Человеку нужно время, чтобы научиться видеть преимущества.

Вчера она спросила:

— А кто, по-твоему, будет там жить?

— Твоя мама, когда придет. Ты же сама говорила: ей нужен отдельный вход.

Жена впервые внимательно посмотрела фотографии.

— А воду туда провести можно?

Место у дома

В тот вечер я припарковался в Новороссийске возле собственного подъезда.

Не «в районе дома». Не «там пройти немножко, зато бесплатно». Не возле чужого подъезда, где потом надо идти с таким лицом, будто ты здесь сантехник.

Возле своего.

Я даже не сразу заглушил двигатель. Сидел, смотрел на дверь и ждал подвоха.

От машины до подъезда было семь шагов. Я пересчитал дважды. Во второй раз получилось восемь, но это я от волнения семенял.

Обычно, припарковавшись, я ещё минут двадцать добирался домой. Однажды жена позвонила:

— Ты где?

— Уже машину поставил.

— Тогда я макароны закидываю.

— Не надо. Я ещё в другом климатическом поясе.

А тут — семь шагов.

Сверху ничего не капало. Дерево не нависало. Люк не торчал. Машина никому не мешала, кроме тех, кто хотел бы здесь стоять сам.

Я вышел, обошёл её и сфотографировал.

Потом отправил другу Лёхе.

Он сразу перезвонил:

— Ты кого-то знаешь?

— Нет.

— А как встал?

— Сам.

Лёха помолчал.

— Не уезжай.

Дома жена попросила съездить за хлебом.

— Давай без хлеба, — сказал я.

— Почему?

— Ну мы же хотели сократить углеводы.

Жена посмотрела на меня с подозрением. Ещё утром я доедал картошку пельменями, чтобы не пропала.

— Тогда сходи пешком.

Это было разумно.

Я спустился, проверил машину, дошёл до магазина, купил хлеб и на обратном пути опять проверил машину.

Всё было хорошо.

Даже слишком.

На следующий день надо было на работу.

Я вышел пораньше, сел за руль, пристегнулся.

И понял, что не могу.

Стоило мне отъехать, как сюда немедленно встал бы кто-нибудь другой. Не обязательно сосед. На такое место люди съезжаются из других районов. Возможно, у них есть оповещение.

Я представил, как вечером возвращаюсь, а здесь стоит белая «Киа».

Просто стоит.

Её хозяин наверху ест суп и даже не понимает, что сделал с моей жизнью.
Я отстегнулся.

Позвонил начальнику:

— Виктор Палыч, я сегодня из дома поработаю.

— Что случилось?

— Обстоятельства.

— Семейные?

Я посмотрел на подъезд.

— Практически.

Первые три дня жена думала, что я заболел.

Я перестал торопиться по утрам, обедал дома и задумчиво смотрел в окно.

Она потрогала мне лоб.

— Температуры нет. Что-то болит?

— Нет.

— А что ты всё время вниз смотришь?

— Проверяю обстановку.

На четвёртый день она решила, что меня уволили.

Я не стал сразу разубеждать. Увольнение в нашей семье всегда считалось временной неприятностью, а вот добровольный отказ ездить на машине ещё предстояло объяснить.

На пятый день жена предположила любовницу.

— Ты изменился.

— В лучшую сторону?

— Ты всё время дома.

— А любовница тогда где?

Жена задумалась.

— Тоже удалённо, что ли?

Пришлось признаться.

Я подвёл её к окну.

— Видишь?

— Машину вижу.

— А где она стоит?

— У дома.

— Вот.

Жена некоторое время смотрела вниз.

Потом на меня.

Потом опять вниз.

— И ты из-за этого не ездишь?

— Не «из-за этого». Благодаря этому.

— Тебе надо к специалисту.

— Он может приехать?

На работе выяснилось, что моё физическое отсутствие никому не мешает.

Более того, дома я стал работать лучше.

Раньше я приезжал в офис раздражённый после пробки, потом полчаса рассказывал, как не мог припарковаться. Теперь всё это время доставалось работодателю.

Начальник был доволен.

— Вот видишь, — сказал он. — Стоило создать человеку нормальные условия.

Я не стал уточнять, что условия создал неизвестный водитель, который однажды уехал и не вернулся.

Через неделю мне официально разрешили удалёнку.

Я купил хороший стул.

Машину помыл на месте.

Мойщик долго разворачивал шланг и спросил:

— А подъехать вот сюда никак?

— Нет.

— На три метра же.

— С этого всё начинается.

Лёха стал привозить продукты.

Он вообще оказался настоящим другом. Ни разу не сказал: «Ты с ума сошёл». Только уточнил, с какой стороны удобнее передавать пакеты.

Иногда он просил:

— Дай хоть посижу.

Я разрешал.

Лёха садился за руль, смотрел на подъезд и тихо вздыхал.

— Красиво.

— Я же говорил.

— У меня вчера от машины до дома шагомер тренировку засчитал.

Мы сидели в салоне, ели мандарины и смотрели, как соседи ищут место.

Не злорадствовали. Просто понимали людей.

Однажды между двумя машинами остановился внедорожник. Из него вышел мужчина, отошёл, оценил промежуток, вернулся в салон и попробовал втиснуться.

Потом ещё раз.

Потом сложил зеркала, будто проблема была в зеркалах.

Лёха покачал головой.

— Не войдёт.

— Войдёт, — сказал я. — Но выйдет уже через багажник.

Мужчина попробовал ещё раз.

Мы оба невольно втянули животы.

Постепенно жизнь наладилась.

Курьеры приезжали ко мне. Друзья — тоже. Родственникам я говорил:

— Лучше вы к нам. Мне сейчас не с руки.

Однажды так ответил дяде из Ростова.

— А что у тебя?

— Стою удачно.

— В каком смысле?

— Во всех.

Дядя приехал на поезде.

Посмотрел из окна.

— А, — сказал он. — Теперь понятно.

Даже родственники, оказывается, способны понять друг друга, если не начинать с политики.

Только жена не разделяла моего счастья.

— Ты меня любишь?

— Конечно.

— Тогда отвези к маме.
— Давай не будем ставить вопрос ребром.
— Мне что, на такси ехать?
— Я закажу комфорт.
— Ты готов платить за такси, лишь бы не трогать свою машину?
— Вот видишь, могу же я красиво ухаживать.
Она уехала, хлопнув дверью.
Я посмотрел в окно: машина не шелохнулась.

Первое время я проверял место с балкона.
Потом заметил, что возле машины слишком часто останавливается сосед Руслан.
Он ходил вокруг с таким видом, будто присматривает не парковку, а хорошую семью для усыновления.

Однажды мы встретились во дворе.
— Ты что-то давно не выезжал, — сказал он.
— Езжу.
— Когда?
— Когда тебя нет.

Руслан кивнул, но не поверил. Я бы на его месте тоже не поверил: он всегда был во дворе.

Вечером в домовом чате появилось:

«Синяя машина у второго подъезда чья? Долго стоит».

Я сразу ответил:

«Моя. Машина на ходу».

«А почему не ездит?»

Я написал: «А у вас почему дрель есть, а вы не сверлите?» — и стёр. Не стоило подсказывать людям занятия на вечер.

Ответил:

«Использую по необходимости».

Людмила Викторовна поставила вопросительный знак.

Я вышел и сел в машину.

Так начались мои вечерние дежурства.

Поначалу я просто сидел минут десять, чтобы все видели: транспортное средство эксплуатируется.

Потом стал брать ноутбук.

В машине оказалось удобно проводить рабочие созвоны. Дома жена могла войти в кадр с вопросом: «Ты картошку вообще собираешься чистить?» Здесь я выглядел человеком, у которого дела.

— Ты в дороге? — спрашивал начальник.

— Можно и так сказать.

— Тогда не отвлекайся.

И отпускал с совещания.

Впервые автомобиль начал экономить мне время, не двигаясь с места.

Курьеров я тоже стал встречать из окна машины.

— Квартира сорок восемь? — спрашивал курьер.

— Да. Только сейчас я в машине.

— А дом какой?

— Вот этот. Я пока от него далеко не отъехал.

Один курьер попросил код из сообщения, отдал пакет и спросил:

— Вы её караулите, да?
— С чего вы взяли?
Он посмотрел на место.
— Я раньше в этом доме жил.

Соседи привыкли.

Бабушки здоровались со мной через лобовое стекло. Дети просили подержать рюкзак, пока завязывают шнурки. Мужчина с пятого как-то оставил у меня ключи для сантехника.

Я стал частью дворовой инфраструктуры.

Однажды Людмила Викторовна постучала в стекло.

— Вы до скольких сегодня?

— А что?

— Если водоканал приедет, скажите, я на рынок отошла.

Я хотел возмутиться, но она уже ушла.

Через полчаса приехал водоканал.

Пришлось разбираться.

К вечеру я знал, почему в третьем подъезде слабый напор, кто самовольно поменял стояк и почему во всём этом виновата женщина, которая уже четыре года живёт в Краснодаре.

Жена сказала:

— Ты понимаешь, что у тебя теперь не машина, а приёмная?

— Зато рядом с домом.

Хуже всего было во время норд-оста.

Я сидел в салоне и чувствовал, как автомобиль слегка покачивается.

Во дворе не было ни души. Только Руслан вышел выбросить мусор, причём без мусора.

Мы посмотрели друг на друга.

Он поднял воротник и ушёл.

Я остался.

Жена позвонила:

— Поднимайся домой. Там предупреждение МЧС.

— Я видел.

— И?

— Если что, сразу сообщу.

— Кому?

— МЧС.

Она спустилась сама. Села рядом.

Минуту мы молчали, слушая ветер.

— Хорошее всё-таки место, — признала она.

Я повернулся к ней.

— Правда?

— Да. Особенно если учесть, что у нас семейная жизнь теперь здесь.

Мы просидели вместе целый час.

Давно так не разговаривали. Дома всё время дела, телевизор, посуда. А тут тепло, тихо, никуда ехать не надо.

Когда жена ушла, я подумал, что машину мы купили очень правильно.

Тревожные признаки я заметил не сразу.

Сначала нам пришла большая сумма за доставку продуктов.

Потом жена подсчитала такси.

Потом страховку, обслуживание и мойку машины, которая за два месяца проехала только те восемнадцать сантиметров, на которые я её переставил, чтобы освободить дворнику окурок.

— Ты понимаешь, сколько нам обходится это место? — спросила жена.

Я понимал. Поэтому очень не хотел, чтобы она считала вслух.

— Зато бензин экономим.

— Мы можем экономить ещё больше, если продадим машину.

Я засмеялся.

Она нет.

Я перестал.

— И что тогда?

— Будем жить как сейчас. Только без машины.

В этом была чудовищная логика.

Я попробовал возразить:

— А вдруг понадобится куда-нибудь поехать?

Жена посмотрела на меня так, что я сам услышал, как это прозвучало.

Объявление я составлял долго.

«Продам автомобиль. Один владелец. Пробег небольшой. Последнее время эксплуатировался преимущественно по вечерам».

Жена прочитала.

— Как-то подозрительно.

Я исправил:

«Бережное хранение у подъезда».

Позвонили сразу.

— А место вместе с машиной отдаёте? — спросил мужчина.

— Вы из нашего дома?

— Да.

— Руслан?

— А что, по голосу узнал?

Осматривать машину Руслан пришёл с диагностом.

Диагност подключил прибор, заглянул под капот и спросил:

— А прокатиться можно?

Мы с Русланом переглянулись.

— Не надо, — сказал Руслан.

— Как не надо? Ходовую проверить.

— Тут асфальт хороший.

Диагност посмотрел на него, потом на меня.

Я молчал.

В нашей жизни есть вещи, которые постороннему человеку объяснять слишком долго.

— Тогда хотя бы вперёд-назад, — предложил он.

Руслан встал посреди освободившихся за машиной тридцати сантиметров и скрестил руки на груди.

Я подал вперёд.

Потом назад.

Диагност убрал прибор.

— Ну, если вас обоих устраивает...

Нас устраивало.

О цене почти не спорили. Руслан только попросил оставить складной столик, зарядку и подушку под поясницу.

— Это отдельно, — сказал я.

Он подумал.

— Ладно. Только столик оставь.

Договор подписывали на капоте.

Деньги пришли, я отдал ключи.

Руслан сел за руль.

Я стоял рядом и объяснял:

— После четырёх здесь тень. Курьеры обычно подъезжают с той стороны. Если Людмила Викторовна спросит, почему не горит фонарь, скажи, заявку уже подали. И вот эту кнопку лучше не трогай.

— Почему?

— Сиденье назад уедет. Потом поясницу заново настраивать.

Руслан слушал внимательно.

Жена ждала у подъезда.

— Ну всё? — спросила она.

Я оглянулся.

Моя машина стояла на моём месте.

Только теперь всё это было не моё.

— Всё, — сказал я.

Мы поднялись домой.

Вечер выдался свободный. Не надо было куда спускаться, ничего проверять, никого встречать.

Я ходил из комнаты в комнату.

Помог жене помыть посуду.

Вынес мусор, хотя пакет был наполовину пустой.

На обратном пути, конечно, подошёл к машине.

Руслан сидел внутри с ноутбуком.

Постучал ему в стекло.

Он опустил окно.

— Ну как? — спросил я.

— Нормально.

— Не поддувает?

— Нет.

Я кивнул.

Постоял немного.

— Ты, если ехать соберёшься, сначала мне позвони.

Руслан закрыл ноутбук.

— Зачем?

Я посмотрел на семь шагов до подъезда.

— Я стул вынесу.

Домовой чат имени адмирала Серебрякова

В Новороссийск Павел Сергеевич переехал ради спокойной жизни.

Ему было пятьдесят два года, он работал редактором, любил Чехова и умел спорить так, что оппонент не всегда замечал. До моря из новой квартиры было недалеко. По вечерам планировалось гулять по набережной, по утрам — пить кофе, в остальное время — не участвовать.

На третий день соседка добавила его в домовый чат.

Чат назывался «Наш дом».

Павел Сергеевич написал:

«Добрый вечер, соседи! Рад знакомству. Давайте жить дружно».

Первой ответила Людмила Викторовна:

«ВЫ ИЗ КАКОЙ КВАРТИРЫ».

Он сообщил.

«СОБСТВЕННИК?»

«Да».

«ПОСТОЯННО ПРОЖИВАТЬ БУДЕТЕ?»

«Планирую».

«НУ НАКОНЕЦ-ТО».

Павел Сергеевич решил, что его тепло приняли.

Через восемь минут он был администратором чата.

Через двенадцать ему прислали задолженность дома за обслуживание шлагбаума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.